

А. Н. Медушевский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Возможности и пределы диалога культур определяются изменением социальных отношений и взаимодействий, эмпирической базой исследований, принятыми познавательными методами. В гумани-

¹ Главный редактор журнала «Российская история», главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), ординарный профессор Высшей школы экономики, доктор философских наук. Автор более 350 публикаций, в т. ч. книг: «Утверждение абсолютизма в России», «История русской социологии», «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе», «Сравнительное конституционное право и политические институты», «Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI века», «Теория конституционных циклов», «Размышления о современном российском конституционализме» и др.

тарном познании XX века констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с отсутствием четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей — несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности.

Три основные проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», то есть мотивация поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов — глобали-

зация — привел к разрушению устойчивых, исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс — информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) — уже к середине XX века привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс — познания «другого» — связан с необходимостью восприятия чужой культуры и мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (то есть таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX века *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании звания истории как полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в немецкой неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идеографических — неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

Диалог культур предполагает обращение к истории как науке, но последняя нуждается в радикальном изменении методов познания и повышении доказательности и сравнимости выводов. История может быть наукой в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, то есть выражать системообразующее свойство феномена человека. Эти три параметра присутствуют в *новой теории когнитивной истории*, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленного человеческого поведения. Развиваясь в эмпирической реальности, данное поведение неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания,

возможного на основе методов классического источниковедения.

Таким образом, когнитивная история в широком смысле есть наука о культуре — человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, а также информационного продукта своей целенаправленной деятельностью (с позиций исторической науки он выступает в качестве исторического источника, содержащего намеренно заложенную создателем и ненамеренную информацию). Теория и методология когнитивной истории, разработанная выдающимся российским ученым О. М. Медушевской (1922–2007), стала результатом научного синтеза ряда новых и вполне традиционных направлений гуманитарного знания — информатики и так называемых когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, и историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии — с другой. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX века¹.

Диалог культур не может обойти проблему качества информации. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником: это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационного ресурса, но с другой — резко снизило качество информации (которая часто не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). Это актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и вообще теоретического источниковедения применительно к современной эпохе. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, следовательно, и степень адекватности научных представлений. Несомненным приоритетом современной теории и методологии истории становится продвижение к исторической аналитике доказательного и точного знания².

На этой теоретической основе (методов когнитивных наук) возможно расширение границ диалога культур при решении следующих аналитических задач: определения критериев достоверности научного знания как центральной проблемы методологии и теории истории и источниковедения, выработки на этой основе отношения к различным направлениям и школам в современной теории исторического познания; изменения баланса междисциплинарных отношений исторической науки; выяснения инно-

¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Она же. Теория исторического познания: избр. произведения. — СПб., 2010.

² Подробнее см.: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10; Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4.

вационной составляющей социологических, правовых, экономических и антропологических подходов для решения задач исторической науки. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой: понимание истории как строгой и точной науки (и тогда сохраняется значение разработки методов критической проверки данных и установления критериев доказательности выводов) или восприятие ее как одной из разновидностей искусства (субъективного конструирования реальности), то есть следование релятивистским установкам, размывающим научные методы (представленным в учениях постмодернистов, сторонников деконструктивизма, герменевтики или их последователей). Определение позиции исследователем зависит от ряда внешних факторов, выявляемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанным нравственным и интеллектуальным выбором.

В контексте новой ориентации когнитивной методологии и аналитической истории актуальны результаты обсуждения в российской исторической науке следующих приоритетных направлений:

- методы исторических исследований и формулирование критериев достоверности научного знания;

- критическое переосмысление историографической традиции, необходимое для формирования новой научной этики и придания нового импульса исследовательской работе;

- расширение проблематики методологических подходов в контексте модернизации, глобализации и информатизации;

- научная постановка вариативности интерпретационных концепций, конструирования моделей исторических процессов и реконструкция стратегий направленных социальных изменений в истории;

- выяснение отношений исторической науки и социальной практики меняющегося мира, в частности в области информационных технологий направленных социальных изменений в истории.

К числу ключевых проблемных областей должны быть отнесены: основы социальной и культурной адаптации индивида в условиях быстрых социальных изменений; конструирование информационной картины мира и социальной реальности по таким параметрам, как пространство (географические рамки диалога цивилизаций), время (представления о прошлом и настоящем, основанная на них картина будущего); смысл существования (когнитивные основы мотивации поведения). С этих позиций реконструируются направления консолидации национальной идентичности; крупные социальные катастрофы, причины возникновения и выход из них (опыт революций и реформ); формы собственности, их юридическое обоснование, факторы, определяющие их смену и степень легитимности; выявление реальной социальной структуры и стереотипов сознания; формы правления — их правовые основы, политический режим, институты и их функционирование; изменения правовых институтов и соци-

альных отношений в пространстве диалога цивилизаций и обмена историческим опытом.

Современный этап российской истории позволяет подвести итоги грандиозного социального эксперимента, связанного с веком революций, гражданских войн и коммунистического правления. Это подведение итогов чрезвычайно важно для поиска исторических и новых основ национального существования, формирования идентичности, а также определения места страны в условиях глобализации — процесса превращения мира в единую экономическую, технологическую и информационную систему. Проблема национальной идентичности является одной из определяющих для XXI века и включает ряд составляющих: параметры данной идентичности; определение того, являются ли продуктом исторического развития или результатом искусственного конструирования; понятие нации и ее интерпретации — гражданской (политической) нации и этнической (культурной) нации. Соотношение таких понятий, как «народ», «нация», «этнос», имеет значение для анализа их применения в постсоветской реальности (понятия «россияне», «русские», «соотечественники» и др.). Очевидно, что все эти проблемы имеют важную историческую составляющую — становление национальных государств, их основных признаков в истории (территория, гражданство, законодательство, институты власти, идеология, образование, символика, культура), — закладывая основу интеграционных и дезинтеграционных процессов на современном этапе.

В центре внимания — сопоставление и критический анализ исторического опыта многонациональной Российской империи, советской модели решения национального вопроса и современных (постсоветских) концепций национальной идентичности, связанных с ними политических трактовок национального и государственного суверенитета, моделей конфедерализма, федерализма и унитаризма, альтернатив дипломатического признания (или непризнания) новых государств, историческая память, границы государства, соотношение конфессиональной и национальной идентичности, символика российской государственности. В этой перспективе актуально обращение к проблемам периодизации, в частности к соотношению периодов Киевской Руси, Московской Руси, Петербургской империи, Советского Союза и Российской Федерации, анализу причин перехода от одних типов государств к другим, социальным конфликтам, которые сопровождали их смену. Сравнение трех кризисов государства при переходе к Новому и Новейшему времени — Смутного времени начала XVII века, социальных революций начала XX века и демократической трансформации конца XX века — проводится по побудительным мотивам и началу возникновения (конфликт легитимности и законности); по логике разворачивания и движущим силам (какие социальные группы выступали за стабильность, а какие — за дезинтеграцию); по политическому выражению (спонтанный процесс социального разрушения

и консолидация на новых конституционных основах); влиянию на стабильность государства (распад и восстановление во всех трех случаях); соотношению в этих конфликтах внутренних (социальная структура традиционного общества и ее модернизация) и внешних факторов (войны, интервенция, дипломатия); институциональных параметров конфликта (противостояние между законодательной и исполнительной властью, так называемое двоевластие и последующее разрешение в пользу одной из ветвей власти). Это направление исследований открывает возможности отыскания определенного типологического сходства переходных политических режимов, возникающих в ходе этих конфликтов, и их идеологических формул, сравнения конфликтов по социальным параметрам, продолжительности и динамике развития.

Чрезвычайно важна возможность выхода из таких кризисов, связанная с анализом исторического опыта революций и реформ. Если ранее приоритетной проблематикой являлась история революций и движений социального протеста, то на современном этапе, как показывает ряд круглых столов, проведенных в Журнале «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история») к 90-летию юбилею российских революций начала XX века, можно констатировать существенное изменение исследовательской парадигмы: опыт революций выступает не конструктивным решением проблем, но, скорее, интерпретируется как срыв модернизации в ее правовых формах — ретрадиционализация общества (восстановление архаичных институтов и представлений, становившихся тормозом устойчивого и предсказуемого процесса социальных преобразований). Революция, если она не приводит к восстановлению правового порядка, выступает скорее как цивилизационная ловушка, способная поглотить достижения предшествующего позитивного развития. Это делает актуальным обращение исследователей к другому способу социальных преобразований — реформам, направленным на модернизацию традиционного общества. Этот путь интерпретируется как возможность позитивных изменений, причем включает различные технологии их осуществления. Приоритетным направлением исследования становится сравнительный анализ и альтернативы формирования российской государственности, история государства и права (ранее практически исключенная из сферы научного исследования для периода нового и новейшего времени), типология реформ, способов их осуществления в истории, возможности использовать их опыт (как позитивный, так и негативный) в современных преобразованиях.

Основными направлениями дискуссий в рамках культурного диалога должны быть признаны социальные корни и заимствования правовых норм и институтов; исторические конструкции разделения властей, парламентаризма, судебной системы; сопоставимость форм правления и политических режимов в России и в других странах; значение исторического опыта при выборе современной формы

правления, конструкции федерализма и бикамерализма, разделения функций институтов центрального и местного управления и самоуправления при проведении современных конституционных, земельных, административных и судебных реформ; вопросы оптимальных и ошибочных институциональных решений; формирование гражданской службы и этических принципов ее функционирования. Все эти проблемы включают анализ *изменения культурных стереотипов, социальных отношений и правовых институтов в контексте процессов модернизации, глобализации и информатизации*. В контексте этих подходов несомненную важность представляет практика журнала «Российская история» по разработке проблемной области аналитической истории как теории исторических исследований и социальной практики¹.

На основе теории когнитивной истории становится возможным выстраивание методов и критериев *доказательности и проверки* знания; научное конструирование — *построение модели* (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса и *прогнозирование* — аналитический вклад, в ходе которого выявляются фазы процессов, прошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (науки о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания. *Познаваемость социального (исторического) процесса* определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это дает истории стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект, следовательно, открывает перспективы полноценного диалога культур с позиций сравнительно-исторического, структурно-функционального и антропологического подходов в режиме настоящего времени.

В науках о человеке присутствуют осознанная человеческая ориентированность на прожитый опыт (обобщенный в научном знании) и стремление избежать его негативных последствий. Человечество — открытая система, и здесь возможно лишь «упреждающее прогнозирование». Эту функцию и берет на себя наука о человеке, особенно социология истории и историческая наука в ее широкой трактовке. В этом состоит значение когнитивной истории — теоретического течения современной мысли, направленного на создание стройной и логически непротиворечивой концепции социального познания. Аналитика реализованных в ходе исторического процесса вариантов развития становится инструментом упреждающего прогнозирования.

¹ См.: Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5. С. 3–18.